

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	9
Предисловие к первому итальянскому изданию	11
Глава 1. ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ	13
Исследовательские нормы, принятые в этом труде. — Логико-экспериментальные науки и не логико-экспериментальные науки. — Различия между ними. — Экспериментальная область во всех отношениях полностью отделяется от неэкспериментальной области. — В этой работе мы намерены оставаться исключительно в экспериментальной области. — Наше исследование является одним из возможных. — Оно проводится путем последовательных приближений и не нацелено на нечто необходимое, абсолютное. — Язык обыденный и язык логико-экспериментальных наук. — Термины, используемые в этой работе	
Глава 2. НЕЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ	30
Определение и классификация логических и нелогических действий (§ 63). — Их примеры среди животных и людей. — Теории и факты, из которых они берут начало. — Различная интенсивность у разных народов сил, поддерживающих определенные нелогические склонности, и сил, направленных на обновление. — Представления об оккультной власти слов над вещами; предельные случаи теологических и метафизических теорий. — В манифестациях нелогических действий имеются две части: почти неизменная и сильно изменчивая. — Интерпретации адаптируются к нелогическим склонностям народа. — Эволюция множественна. — Первое указание на необходимость полностью отделять логико-экспериментальную истинность той или иной доктрины от ее социальной или иной полезности. — Логическая форма, придаваемая людьми нелогическим действиям	
Глава 3. НЕЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ УЧЕНИЙ	48
Представления исследователей общества о нелогических действиях. — Несовершенство с научной точки зрения обыденного языка содействует распространению логических интерпретаций в отношении нелогических действий. — Людям свойственно избегать рассмотрения нелогических действий, поэтому они оказываются скрытыми под логическими покровами того или иного сорта. — Классификация используемых при этом средств (§ 99). — Анализ различных интерпретаций. — Как люди практики рассматривают нелогические действия	
Глава 4. ТЕОРИИ, КОТОРЫЕ ВЫХОДЯТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ОПЫТА	64
Исследование, вопроса, соответствует ли что-нибудь определенное терминам <i>религия, право, мораль, истинный разум, справедливый, честный</i> и т. д. — Типовые доктрины и девиации. — Материалы теорий и связи, которыми они соединены в теориях. — Как социология использует факты. — Неизвестное должно объясняться из известного; настоящее помогает объяснению прошлого. — Вероятностный характер выводов. — Классификация суждений, в которых к экспериментальным единообразиям добавляется нечто постороннее, либо в которых такие	

единообразия не принимаются во внимание (§ 239). — Исследование абстрактных сущностей, познаваемых независимо от опыта

Глава 5. ПСЕВДОНАУЧНЫЕ ТЕОРИИ 115

Как, зная некоторую теорию, добраться до фактов, которые, возможно, вызвали ее появление. — Исследование теорий, в которых эксплицитно предполагается, что абстрактные сущности находятся за пределами опыта. — Краткое обобщение результатов, полученных индуктивным путем. — В не логико-экспериментальных теориях *c* присутствует мало меняющаяся часть *a* и сильно меняющаяся часть *b*; первая представляет собой принцип, который существует в сознании людей, вторая часть состоит из объяснений этого принципа и действий, им порожаемых. — В теориях, которые добавляют нечто к опыту, посылки нередко хотя бы отчасти представлены имплицитно; более того они играют важную роль в построении этой теории. — Как из некоторых произвольных принципов *a* можно получить доктрины *c*. — Различные примеры

Глава 6. ОСТАТКИ 137

Сходства и отличия частей *a* и *b*, а также логико-экспериментальных и не логико-экспериментальных наук. — Часть *a* соответствует определенным инстинктам, но не охватывает их полностью; кроме того, для понимания детерминации социальных форм необходимо учитывать также интересы. — Объективный и субъективный аспекты теорий. — Примеры способов, позволяющих отделять *a* от *b*. — Для удобства изложения вещи *a* обозначены как *остатки*, вещи *b* — как *деривации*, вещи *c* — как *дериваты*. — Остатки соответствуют инстинктам, им недостает определенности. — Классификация остатков (§ 365). — Рассмотрение различных классов остатков

Глава 7. ДЕРИВАЦИИ 190

Людей удастся убедить, главным образом воздействуя на чувства (остатки). — Как усиливаются и распространяются деривации. — Они используются как в логико-экспериментальных, так и в не логико-экспериментальных науках; полагают также, что деривации способны непосредственно воздействовать на социальное устройство в целом; в логико-экспериментальных науках деривации принимаются во внимание только как манифестации воздействующих на общество сил. — Исследуются силы, которым более или менее строго соответствуют деривации. — Логика чувств. — Доказательство дериваций выступает всего лишь мотивом, который обеспечивает ее принятие. — Классификация дериваций (§ 536). — Исследование классов дериваций

Глава 8. СВОЙСТВА ОСТАТКОВ И ДЕРИВАЦИЙ 237

Как могут действовать остатки и деривации. — В каком отношении находятся их действия с социальной полезностью. — При обыденном рассуждении деривации рассматриваются в качестве причины человеческих действий, а порой также и чувств. — В целом, напротив, деривации являются следствием чувств и действий. — Остатки составляют специфику индивидов, в поведении которых они

проявляются. — Распределение остатков и изменения в обществе в целом. — Классы остатков изменяются мало; сильнее меняются их виды. — Волнообразная форма изменений данного феномена. — Связь между остатками и условиями жизни. — Реципрокное отношение остатков и дериваций. — Воздействие остатков на остатки. — Действие остатков, соответствующих одному и тому же комплексу чувств. — Воздействие дериваций на остатки. — Рассмотрение различных социальных классов. — Часто может показаться, что деривации преобразуются в остатки, тогда как имеет место обратное явление. — Воздействие дериваций на деривации. — Отношение остатков и дериваций к иным социальным фактам. — Как влияет на получаемые выводы расхождение между остатками и логико-экспериментальными принципами. — В не логико-экспериментальных областях при рассуждении в полном соответствии с логикой могут быть получены не согласующиеся с фактами выводы, но при рассуждении с незначительным нарушением логики и в соответствии с чувством можно прийти к выводам, которые более близки к фактам. — Противоречие между практикой и теорией. — Как неопределенные деривации адаптируются к определенным целям. — Меры, используемые для достижения цели. — Воздействие дериваций малоэффективно или вовсе неэффективно в плане изменения остатков. — Как воспринимаются социальные мероприятия. — Мифы и идеальные цели. — Их отношения с другими социальными фактами. — Классификация проблем, появляющихся при таких отношениях (§ 712). — Изучение этих проблем. — Отношение между соблюдением норм религии и морали и достижением собственного счастья. — Классификация решений этой проблемы (§ 732). — Исследование решений. — Выполненное исследование дает пример экспериментальной бессмысленности некоторых доктрин, имеющих, тем не менее, большую социальную полезность. — Распространение остатков. — Распространение дериваций. — Интересы. — Экономическая сфера общества. — Социальная неоднородность и циркуляция между различными элементами общества. — Элиты и их циркуляция. — Высший и низший классы

Глава 9. ОБЩАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВА 316

Элементы общества и их категории. — Состояние равновесия. — Устройство социальной системы. — Строение остатков и дериваций. — Свойства социальной системы. — Полезность и ее виды. — Максимум полезности *индивида* и *общности*. — Максимум полезности *для общности*. — Остатки и деривации в связи с полезностью. — Почти все рассуждения, проводимые при социальных дискуссиях, являются деривациями. — Композиция различных видов полезности, остатков и дериваций. — Применение силы в обществе. — Правящий класс и управляемый класс в связи с использованием хитрости и силы. — Как правящий класс обеспечивает свою защиту. — Стабильность и изменение общества. — Циклы взаимозависимости социальных феноменов. — Протекционизм. — Различные виды *капиталистов*. — *Спекулянты*. — Политическое правление. — *Демократия*. — Действия правительств тем более эффективны, чем в большей мере они считаются с существующими остатками; очень часто они оказываются тщетными, когда от них ожидается изменение остатков. — Консенсус и сила как основа правительств. — Современные правительства. — Плутократия. — Затраты на обеспечение различных видов политического правления. — Политические

партии. — Различные пропорции между остатками класса I и остатками класса II у правящих и управляемых. — Экономическая результативность различных видов политического правления. — Правительства, которые в основном используют силу. — Правительства, которые пользуются в основном хитростью. — Комбинации различных типов. — Экономические и социальные периоды. — Волнообразная форма этих социальных феноменов. — Колебания дериваций в связи с социальными колебаниями. — Обычные ошибки в понимании этой связи. — Взаимозависимость колебаний. — Социальный комплекс

Глава 10. СОЦИАЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ В ИСТОРИИ 407

Одним из основных факторов социального равновесия является пропорция между остатками класса I и остатками класса II. — Показатели социальной полезности. — Равновесие различных социальных слоев. — Как используемые для поддержания равновесия средства воздействуют на пропорцию остатков класса I и остатков класса II и, следовательно, на социальное равновесие. — Изучение социальной эволюции Рима. — Аналогии с эволюцией современных обществ. — Подвижность и неподвижность (кристаллизация) общества сменяют друг друга. — Их смена оказывается частным случаем общего закона изменения социальных феноменов, имеющего волнообразную форму

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

I. Общая характеристика предмета исследования	466
II. Логико-экспериментальные и не логико-экспериментальные теории	471
III. Язык и определения	476
IV. Указатель имен	479
V. Таблица соответствий параграфов в «Компендиуме» и «Трактате».	487

Приложение Б

I. Основные вехи жизни и деятельности Парето	503
II. Избранная библиография	508

Предисловие к русскому изданию

Впервые на русском языке читателям предлагается полное произведение итальянского ученого-теоретика мирового уровня — экономиста, социолога и политолога — Вильфредо Парето «Компендиум по общей социологии». Эта книга, появившаяся в свет в 1920 г., представляет собой сокращенный вариант «Трактата по общей социологии» (1916 г.).

В отечественной научной литературе представлены лишь небольшие фрагменты объемных трудов Парето и отдельные статьи, опубликованные в профильных хрестоматиях и научных журналах (см. приложение БП наст. изд.). Данное издание не просто восполняет очевидный пробел, расширяет доступ к мировому классическому интеллектуальному наследию. Выход в свет именно этой книги позднего периода творчества Парето важен еще и потому, что она дает синтетическое, целостное представление о социальных (в широком смысле) концепциях Парето. Дело в том, что экономическую, политическую и общественную сферы человеческой деятельности он рассматривал как единое целое — как нераздельные части (вместе с правом и культурой) общества, т. е. на социальном, если употребить современный термин теоретической социологии, уровне. Такая позиция дала ученому возможность гармонического слияния его ранних теоретических изысканий. Во всех изучаемых явлениях экономического, политического и социального устройства человеческих сообществ любого масштаба Парето интересовало как возможно состояние социального равновесия и как протекает его динамика. «Компендиум...» — итоговая книга, содержащая его предложения и предположения на этот счет. Поставленные им вопросы и намеченные пути их решения не менее интересны и полезны читателю в начале XXI в., чем были в начале XX в.

Особенности этого труда Парето связаны не только со сложностью самого предмета, специфичностью особого, паретовского понятийного аппарата, сверхкраткостью изложения тезисов и, возможно, излишним стремлением их формализовать и свести к абстрактным силлогизмам, но и с чрезвычайным богатством привлекаемого им конкретного материала. Здесь есть история Древней Греции и особенно Древнего Рима, и дальнейшая европейская история, вплоть до XIX в. и непосредственных событий периода создания книги, а также мифология, теология, литература, механика, математика, астрономия, биология и химия. Это представляет определенную трудность для современного читателя, поскольку то, что было само собой разумеющимся и известным со школьных или студенческих времен всем потенциальным потребителям такого рода продукции в 1920-х годах, для нас, почти через сто лет, может оказаться не самым легким ребусом. Таковы неизбежные издержки отказа от классического образования в пользу узкоспециализированного. В связи

с этим переводчиком и научным редактором были предприняты трудоемкие и времязатратные усилия по уточнению мысли автора (для чего привлекались другие его работы и издания на других языках). А также — по установлению или уточнению приведенных имен и цитируемых источников (показателем объективной сложности такой задачи является тот факт, что в некоторых иноязычных изданиях «Компендиума...» плохо распознаваемые отсылки просто снимались). Многие источники, используемые Парето, хорошо известны в русской книжной традиции (произведения Античности и Средневековья) или изданы у нас в стране за последние десятилетия. Все цитаты даны соответственно по таким источникам.

Основной корпус книги содержит постраничные сноски автора (даны в сплошной нумерации по всей книге) и постраничные примечания переводчика и редактора (под значком — *), касающиеся не самых распространенных научных терминов, социальных реалий, и переводы иноязычных выражений. Кроме того, в угловых скобках <...> непосредственно в самом тексте встречаются небольшие дополнения, пояснения, уточнения. В квадратных скобках [...] даны русские издания используемой Парето литературы.

Настоящее издание является полным аналогом итальянского 1920 г., включая Приложение А. Единственное отклонение состоит в отсутствии Предметного указателя. Это связано, во-первых, с тем, что принципы составления предметных указателей очень различаются и оригинальный указатель не подлежит простому переводу. Во-вторых, книга четко структурирована и в ней достаточно просто ориентироваться тематически по Оглавлению, а также по приложениям AI, AII и AIII. Предложенный расширенный Указатель имен значительно облегчает восприятие текста, поскольку содержит точную идентификацию персон. В него вошли исторические лица и упомянутые авторы (ученые, теологи, писатели, поэты). Кроме того, читателю предложено Приложение Б, включающее краткие биографические сведения об авторе и избранную библиографию его трудов и сочинений о нем на иностранных и русском языке.

М. Ковалёва
Москва, 4 августа 2007 г.

Предисловие к первому итальянскому изданию

Есть основания полагать, что среди уважаемых критиков «Трактата по общей социологии» Вильфредо Парето имеются многие, даже не прочитавшие его или только бегло просмотревшие и не сумевшие извлечь из него ничего ценного, однако, не в расчете на них составлялся этот компендиум, как мог бы подумать иной придирчивый читатель. Расчет делался совсем на других людей, на большую и деятельную группу молодых итальянских ученых, которые, развивая соприкасающиеся с социологией специальные дисциплины, часто впадают в ошибки при осуществлении своих замыслов из-за недостатков выбранного ими метода и игнорирования элементарных социальных проблем. Для нас, крайне уставших и перекормленных всевозможными метафизическими бреднями, сектантскими веяниями и агностицизмом исторической школы, Вильфредо Парето предстает великим мастером, который по своему яркому гению сопоставим с Макиавелли и Галилеем. Он первым возвел социологию в ранг науки на рубеже XIX–XX вв., обозначил для нее очевидный путь экспериментальных наук. Его учение оценят молодые ученые, обладающие беспристрастием мыслящих людей, которые делают вывод о теориях по их соответствию фактам, а не встречают доктрину восторженными приветствиями, похожими на рев павианов или крик попугаев. Старания приведут их к плодотворным результатам, их не введет в заблуждение обманчивый шум ложной славы. Они найдут в этой книге строгие исследования, дисциплину мысли, им откроются новые горизонты и появится стремление продолжить и приумножить начатый мастером труд.

При подготовке «Компендиума...» я не считал допустимым отходить от используемого в «Трактате...» индуктивного изложения материала, которое подводит к раскрытию теории, т. е. был повторен путь от представления фактов к получению на их основе выводов. Возможно, что дедуктивный способ был бы предпочтительнее, но он мог бы легко вызвать впечатление догматизма. В «Компендиуме...» сохранены наиболее значимые теоретические разделы и сокращены фактические материалы, некоторые факты приведены, а другие только коротко упомянуты. Некоторые полемические и дискуссионные материалы, представляющиеся второстепенными по отношению к поставленным целям, опущены. Благодаря этому оказалось возможным сжать до небольшого объема два огромных тома оригинала. Были включены также некоторые из примечаний, появившихся в издании «Трактата...» на французском языке; отдельные небольшие дополнения внес сам автор при просмотре рукописи. Конечно, он не смог в достаточной мере отразить обширный опыт <Первой> мировой войны, однако в одном из фрагментов этот опыт все же получил отражение. Исследователь найдет обстоятельные комментарии

Парето к фактам данного периода в различных итальянских периодических изданиях того периода, таких, как «Rivista d'Italia», «Rivista di Milano», «Resto del Carlino», и в работе «Fatti e commenti» (Vallecchi, Firenze 1920) и т. д. Сохранено Приложение, но в сокращенном виде. Как теперь принято, введена сравнительная таблица, в которой параграфы «Компендиума...» соотнесены с параграфами «Трактата...», чтобы читатель отыскал в нем все доказательства теоретических положений, не ограничиваясь теми немногими, которые даны здесь в сжатом виде или просто упомянуты. Надеюсь, что и мой труд не окажется бесполезным для исследователей и будет вознагражден их одобрением так же как его получила работа этого выдающегося автора.

Джулио Фарина
Флоренция, 15 июня 1920 г.

Глава первая

ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Человеческое общество — объект многочисленных исследований. Одни из них относятся к специальным дисциплинам, таким, как право, история, политическая экономия, история религий и т. д.; другие охватывают те сферы, которые пока выглядят смутно, нечетко; их синтезу, направленному на изучение человеческого общества вообще, можно дать имя социологии.
2. Это определение крайне несовершенное, но, быть может, его и не следует особенно улучшать, поскольку среди всех наук ни у одной, включая и математические науки, нет строгого определения. В связи с этим предмет нашего познания будет разделен на различные части только ради удобства, и это искусственное деление со временем изменится. Не стоит, пожалуй, спорить о словах; перейдем к делу.

Итак, здесь не будут обсуждаться вопросы о том, является ли социология автономной наукой, отлична ли она от философии истории; вместо этого мы займемся исследованием тех единообразий, какие демонстрируют социальные факты, и тех отношений, которые проявляются между этими фактами. Такому исследованию потом может быть дано желательное название.

3. Для решения наших задач мы стремимся следовать некоторым нормам, которые предпочитаем представить здесь в качестве введения, вместо того чтобы обсуждать их всякий раз при появлении подходящего случая. Доказательства некоторых положений, которые здесь только приводятся, будут изложены в дальнейшем.
4. Автор может представить принципы, которых он собирается придерживаться, двумя совершенно разными способами. Во-первых, он может требовать, чтобы они принимались в качестве доказанных истин, и в таком случае всякое логическое следствие из них будет считаться доказанным. Во-вторых, он может выдвинуть такие принципы в качестве простого указания на один из многих путей, какими можно было бы пойти; в таком случае ни одно из их логических следствий нельзя рассматривать в качестве реально доказанного, оно будет представлять собой лишь обсуждаемое гипотетическое положение. Поэтому следует остерегаться использования таких выводов и исследовать отношения непосредственно между фактами.

5. Опыт показал, что второй способ был полезен в исследованиях в некоторых науках; поэтому можно попытаться применить его и в социологии. Мы не выдвигаем никакой догмы в качестве исходного пункта нашего исследования, и изложение наших основных положений представляет собой только указание пути, одного из многих, который предстоит выбрать и затем следовать по нему. Поэтому тем, кто пожелают идти вместе с нами, никто не возбраняет искать иной путь.

6. До сих пор социология почти всегда толковалась догматически. Не должно вводить в заблуждение прилагательное «позитивная», данное Контом его философии; она столь же догматична, как и «Рассуждение о всеобщей истории» Боссюэ. Это различные религии, но все же религии; такого рода религии мы находим в трудах Спенсера, Де Греефа, Летурно и других авторов. Среди социологий в большом количестве встречаются «гуманистические», нет недостатка в метафизических, также имеется некоторое количество христианских, католических и иных подобных им социологий. Не желая объявлять ошибочными все эти почитаемые социологии, мы позволим себе представить здесь исключительно экспериментальную социологию, подобную химии, физике и иным, близким к ним наукам.

Таким образом, мы намерены руководствоваться только опытом и наблюдением исключительно в том смысле, какой эти два понятия приобрели в естественных науках, а не в таких значениях, какие проявляются в ныне встречаемых выражениях: «духовный опыт», «христианский опыт» и т. п., которые обновляют под иным именем самонаблюдение античных метафизиков.

Там, где опыт не противопоставляется наблюдениям, мы для краткости будем именовать эти вещи одним словом, т. е., говоря об *экспериментальных науках*, мы будем иметь в виду *наблюдение*.

7. В любых общностях распространено употребление описательных, предписывающих и им подобных утверждений, например: «Не желай себе того, что принадлежит другим», «Возлюби ближнего своего как самого себя», «Умей быть бережливым, если не хочешь однажды впасть в нужду». Эти высказывания, объединяемые логической или псевдологической связью и дополняемые разнообразными повествованиями, образуют теории, теологии, космологии, метафизики и т. д.

8. Для тех, кто благодаря воздействию чувств верят в них, эти теории делятся на два класса: истинные и ложные, хотя сами эти термины не особенно определены.

9. Часто к этому добавляются три аксиомы:

— любой умный человек *должен* принимать *истинные* и отвергать *ложные* положения;

- любая *истинная* теория полезна, а любая *ложная* теория вредна;
- одна и та же теория не может быть полезной для одних и вредной для других социальных классов.

10. Не занимаясь изучением их внутренней ценности, идущей от веры, мы можем рассматривать все подобные положения и теории отвлеченно, как экспериментальные факты, в которых проявляются диспозиции и склонности людей. Они оказываются среди тех элементов, которые воздействуют на общество.

11. При попытке классифицировать теории мы сталкиваемся с тем, что теория состоит из двух частей: *материала*, т. е. описательной, аксиоматической части с включением конкретных и абстрактных, реальных и воображаемых сущностей, и *связи*, т. е. наличия логических и псевдологических рассуждений, апелляций к чувству, присутствия этических, религиозных и прочих элементов. Обо всем этом подробно будет говориться в § 180.

12. Рассматривая материалы и связи в разных аспектах и принимая во внимание возможные комбинации их видов, мы можем распределить их так.

Объективный аспект, т. е. рассмотрение теорий независимо от того, кто их создает и кто их принимает.

Класс I. Экспериментальный материал:

Ia. Связь логическая, включает все теории логико-экспериментальных наук. <Возможны варианты:>

Ia₁. Чистый тип исключительно с экспериментальным материалом и с логической связью; абстракции и общие принципы, от которых логически выводятся следствия, извлечены исключительно из опыта и подчинены ему;

Ia₂. Материал оказывается всегда экспериментальным, связь является логической, однако абстракции и общие принципы приобретают значимость, выходящую за границы опыта, и господствуют над ним.

Ib. Связь нелогическая, т. е. это логические софизмы или хитроумные рассуждения, выполненные ради введения в заблуждение других людей.

Класс II. Неэкспериментальный материал:

IIa. Связь логическая.

IIb. Связь нелогическая.

Несомненно, классификация зависит от наших знаний, и тот, кто станет считать экспериментальными некоторые элементы и сочтет приводимые аргументации логическими, отнесет теорию к иному классу, чем тот, кто будет придерживаться противоположного воззрения.

Кроме того, в конкретных случаях одна и та же теория может быть отчасти экспериментальной, отчасти — нет, отчасти логической и отчасти нелогической.

Субъективный аспект, т. е. рассмотрение теорий в зависимости от того, кем она создается и кем принимается.

а. Причины, по которым данная теория была создана данным человеком.

б. Причины, по которым данная теория была принята данным человеком.

Такие вопросы относятся также к общностям.

Аспект полезности, т. е. рассмотрение либо тех чувств, которые порождают данную теорию, либо того воздействия, которое эта теория оказывает на возникновение, усиление и, соответственно, изменение некоторых чувств.

I. Польза или вред от чувств, порождаемых теорией.

Ia. Для того, кто ее создает.

Iб. Для того, кто ее принимает.

II. Польза или вред от данной теории.

IIa. Для того, кто ее создает.

IIб. Для того, кто ее принимает.

Такие аспекты рассмотрения распространяются и на общности.

13. Кратко обобщим сказанное. Если, например, рассматривается суждение о том, что $A = B$, то надо ответить на следующие вопросы.

Объективный аспект. Соответствует или не соответствует опыту это суждение?

Субъективный аспект. Почему некоторые люди говорят, что $A = B$? Почему другие люди этому верят?

Аспект полезности. Какая польза имеется от тех чувств, которые проявляются в суждении, что $A = B$, для тех, кто его высказывает? Какая польза от них для тех, кто данное суждение принимает?

В предельном случае на первый вопрос отвечают утвердительно, а по отношению к другим добавляют: «Люди утверждают, верят, что $A = B$, потому что это *истинно*»; «Проявляемые при этом чувства *полезны*, поскольку они *истинные*; сама эта теория *полезна*, поскольку она *истинная*». В этом предельном случае обнаруживаются утверждения, отвечающие логико-экспериментальной науке, так как *истинность* означает соответствие опыту; но при этом встречаются также утверждения, никоим образом не отвечающие опытной науке, в которых слово «*истинно*» означает нечто совсем иное и очень часто — просто согласие с чувствами того, кто защищает этот тезис.

В исследовании, которое мы проведем в следующих главах, будут часто встречаться такие случаи:

а. Высказывания, отвечающие опыту, выдвигаемые и принимаемые в согласии с чувствами, которые полезны или вредны индивиду, обществу;

- b. Высказывания, отвечающие опыту, отвергаемые из-за того, что они расходятся с чувствами отдельных индивидов, хотя они были бы полезны для общества, если бы их приняли;
- c. Высказывания, идущие вразрез с опытом, выдвигаемые и принимаемые потому, что они отвечают чувствам, которые полезны, порой необычайно, индивидам, обществу;
- d. Высказывания, идущие вразрез с опытом, выдвигаемые и принимаемые, поскольку они отвечают чувствам, которые полезны для одних индивидов, вредны для других, полезны или вредны обществу.

Обо всем этом мы ничего не можем узнать априорно; требуется обратиться к опыту, чтобы в этом разобраться.

14. В объективном аспекте мы разделяем высказывания и теории на два класса: к первому относятся те, которые не выходят за границы экспериментальной сферы; ко второму относятся те, которые каким-либо образом выходят за ее границы. Если мы хотим, чтобы наши высказывания отличались строгостью, то необходимо четко отделять эти классы. Каждому из них свойственна своя особая манера рассуждения и, вообще, свой особый критерий, по которому они делятся на два рода. К первому роду относятся те из них, в которых имеет место логическое соответствие выбранному критерию, и о них говорят, что они *истинные*. Второй род охватывает все те высказывания, которые не отвечают такому критерию; такие высказывания называют *ложными*. Эти термины «*истинное*» и «*ложное*» находятся, следовательно, в непосредственной зависимости от выбранного критерия. Если бы мы захотели придать им абсолютный смысл, то вышли бы из логико-экспериментальной области и вступили бы туда, где господствует метафизика.

Критерий *истинности* первого класса суждений (высказываний) обращен исключительно к опыту и к наблюдению, тогда как критерий *истинности* второго класса высказываний лежит вне объективного опыта. Его могут находить в божественном откровении, в тех концепциях, где, как говорится, человеческий дух обращается к самому себе без того, чтобы нуждаться в объективном опыте, в универсальном консенсусе людей и т. д.

15. Обычно метафизики называют наукой познание сути вещей, их основ. Если мы на миг примем такое определение, то должны будем отметить, что эта работа вовсе не является научной. Мы не только воздерживаемся от выяснения сути вещей и их основ, но даже совершенно не представляем себе, что эти понятия могут означать (см. § 211).

В то время как метафизика от абсолютных принципов нисходит к конкретным случаям, экспериментальная наука восходит от конкретных

случаев, но не к абсолютным принципам и сущностям, которые для нее не существуют, а к общим принципам, и затем устанавливает их зависимость от других, еще более общих принципов и т. д.

16. В менее явной форме <метафизический> предрассудок, требующий знания сущностей, нацеливает на объяснение частных фактов исходя из общего принципа, вместо того чтобы выводить его из частных фактов. Именно так путают установление факта с объяснением его причин. Например, по некоторым наблюдениям мы делаем заключение о существовании факта *A* и, кроме того, указываем на его вероятные причины: *B*, *C*, *D*... Если затем окажется, что *B*, *C*, *D*... не являются причинами *A*, то из этого не следует, что *A* не существует. Такое доказательство было бы приемлемым, если бы существование *B*, *C*, *D*... следовало из опыта, и из него же следовал вывод о существовании *A*; но доказательство не имело бы убедительной силы, если бы наблюдение непосредственно представляло *A*.
17. Человеческое мышление синтетическое; только навык научного рассуждения позволяет немногим людям в ходе анализа отделять части от целого. Благодаря этой склонности оказывается, что как для того, кто выдвигает некоторое положение, так и для того, кто ему следует, немалую сложность составляет отдельное рассмотрение этого положения по двум критериям, экспериментальному и неэкспериментальному — большинство людей чаще всего склонны смешивать их. Как будет показано далее, многие важные для социологии факты получают в этом объяснение.
18. Необходимость при изучении различных сторон конкретного явления стадии анализа, за которой следует стадия синтеза и возврат от теории к конкретному факту, вполне осознанна в науках естественных, но во многом еще не понята в области социальных наук.
Из этого следует самая распространенная ошибка, которая состоит в отрицании истинности некоторой теории, поскольку она не объясняет все стороны конкретного факта. В иной форме та же ошибка проявляется в стремлении включить в одну теорию другие теории, аналогичные или даже чуждые ей.
19. Возьмем, к примеру, политэкономическую теорию. Конкретный феномен *O* имеет не только экономическую сторону *e*, но и социологические стороны: *c*, *g*... Неправильным было бы, как это многие делают, стремиться включить в политическую экономию социологические части — *c*, *g*... Напротив, надо добавлять к экономическим теориям, дающим знание о *e*, другие теории, позволяющие получить знание о сторонах *c*, *g*...

20. Так, в рамках политической экономии надо добавлять, не подменяя, теории прикладной экономии к теориям чистой, или математической экономии*, которая имеет своей основной целью выявление взаимозависимости экономических явлений.
21. И все же нашелся один необыкновенный умник, который желает заменить политическую экономию психологией, поскольку многие экономические феномены зависят от желаний и воли людей. Почему он ограничивается этим? Почему тогда политэкономии не заменить географией или, скажем, астрономией? Ведь, в конце концов, экономический феномен зависит также от состояния морей, расположения континентов, рек и, по большому счету, от солнца, которое дарит жизнь «этому прекрасному миру растений и животных».
- Среди подобных измышлений есть и предложения именовать экономику позитивной. Эта деятельность похвальна, поскольку вызывает смех, а он улучшает самочувствие.
22. Кроме того, крайне трудно, почти невозможно отделить простое знание о единообразиях <социальных фактов и связей>, существующих в обществе, от действия, направленного на их изменение. Если некто занялся изучением того, что есть, то он непременно хочет иметь еще и практическую цель, а поскольку ее нет, он сам, в конце концов, ее придумывает.
23. Аналогичным образом очень трудно достичь того, чтобы не было отхода от выраженных автором идей, чтобы к изложенным положениям не добавлялось иных положений, следующих из контекста, которые сам он никогда не имел в виду. Если отмечают недостаток или достоинство объекта *A*, то, само собой подразумевается, порицают или хвалят данный объект в целом. Это было бы понятно, по крайней мере отчасти, для выступления ради пропаганды или для случая, когда рассуждают в соответствии с чувствами (см. § 197). Такое заключение оказывается, однако, неверным, если требуется исходить из простого описания и изучения единообразий, так как при этом рассуждение строится в объективной манере, согласно логико-экспериментальному методу, и здесь недопустимо выражение собственных чувств ни эксплицитно, ни имплицитно.
24. Допустим, что дано некоторое количество фактов. Задача нахождения описывающей их теории имеет не одно решение. Различные теории могут равным образом удовлетворять условиям задачи. Выбор одной из них

---

* Парето считал, что политэкономия должна позволить математической экономии дать математическое выражение ее законов.

может быть подсказан субъективными мотивами, среди которых может быть, к примеру, простота.

25. В логико-экспериментальных науках теории являются не чем иным, как следствиями, выводимыми логическим путем из некоторых общих, абстрактных положений, которые называются принципами и в которых подытожены, суммированы общие особенности, характерные для многих фактов. Эти принципы, эти теории, их дедуктивные выводы полностью подчинены фактам, не имеют иного критерия истинности, кроме хорошего представления фактов; они значимы лишь постольку, поскольку согласуются с фактами, и отвергаются сразу, как только расходятся с ними.
26. Не будет выходом из экспериментальной области использование гипотез как средства дедукции, всегда подлежащей проверке опытом; мы вышли бы из этой области, если бы эти гипотезы использовались в качестве средства доказательства без какой-либо экспериментальной верификации.
27. Когда очень многие выводы, полученные из некоторой гипотезы, уже проверены на опыте, становится очень высокой вероятностью, что и новый вывод из этой гипотезы будет еще одним ее подтверждением, и на практике допустимо принятие этого вывода без верификации. Это объясняет, почему в сознании многих людей происходит отождествление гипотезы, подчиненной опыту, с гипотезой, которая господствует над опытом. На практике всегда встречаются случаи, когда полученные из некоторых гипотез выводы принимаются именно так, непосредственно. Например, в наши дни были поставлены под сомнение некоторые принципы рациональной механики, по крайней мере для скоростей, намного превышающих те, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни; однако очевидно то, что проектирующий машины инженер может следовать этим принципам и принимать их, никак не рискуя ошибиться, поскольку скорости движения частей его машин очень далеки от тех, при которых изменились бы принципы динамики.
28. Мы опускаем рассмотрение вопроса о том, имеют ли научные законы необходимый характер (см. § 209). В этом отношении нам никак не помогут ни наблюдения, ни опыт; законы указывают только на наличие некоторых единообразий и лишь в тех пространственных и временных границах, на которые распространяются такие наблюдения и такой опыт. Данное условие всегда подразумевается, даже когда мы предпочитаем не упоминать о нем. Кто не будет всегда о нем помнить, тот не сможет хорошо осознать, о чем идет речь в этой книге.

29. Равным образом мы не вступаем в дискуссии о необходимости силлогизма. Например, силлогизм из трактатов по логике — «Все люди смертны; Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен» — с экспериментальной точки зрения надо выразить так: «Все люди, о которых мы смогли узнать, умирали; благодаря известным нам признакам Сократа, он относится к категории этих же людей; следовательно, очень вероятно, что Сократ смертен».
30. Степень этой вероятности возрастает благодаря ряду обстоятельств (см. § 212, 235). Так, она намного выше вероятности следующего силлогизма, который можно было бы высказать до открытия Австралии: «Все лебеди, о которых мы смогли узнать, оказывались белыми; птица, имеющая все черты, отличающие лебедей, об окраске которой нам еще неизвестно, будет, следовательно, вероятнее всего белой».
31. Утверждать, как делают многие, что «чудо» невозможно, потому что это противоречит постоянству естественных законов, означает строить замкнутый круг рассуждения, предлагать как доказательство само доказываемое утверждение. Если бы наличие «чуда» можно было доказать, то тогда одновременно было бы нарушено постоянство естественных законов. Суть проблемы состоит, следовательно, в доказательстве наличия такого события. Это доказательство будет тем строже, чем шире круг известных нам фактов; остается только посочувствовать, так как честь доказывать выпадает тем, кто уверяет в наличии чуда.
32. Итак, для нас научные законы есть не что иное, как экспериментально установленные единообразия, и в этом отношении нет различия между разными науками. Различия имеют место главным образом при большем или меньшем наложении действия одних законов на другие. Небесной механике повезло в том, что она может изучать проявления действия одного-единственного закона (единообразия). Однако изучаемые следствия могут быть и такими, что нахождение представленного в них единообразия — дело крайне затруднительное. Напротив, по счастливой случайности масса Солнца намного превосходит массы планет, и, следовательно, единообразие раскрывается легко, хотя, если подойти строго, предположение о том, что планеты движутся вокруг неподвижного Солнца, неверно, и впоследствии потребуются исправить ошибку, допущенную при первом приближении. В химии, физике и механике часто можно изучать законы изолированно или, в крайнем случае, можно при помощи искусственных средств отделять действие каждого из них от остальных влияний, хотя в ряде случаев они настолько переплетаются, что их разделение оказывается непростым делом. Эти явления возрастают

в биологии, геологии, еще более в метеорологии, а также социальных науках.

33. Другое различие между научными законами касается разных возможностей или невозможности отделить друг от друга их действия посредством опыта <эксперимента>, который здесь мыслится как противопоставление <простому> наблюдению. Химия, физика, механика и биология очень широко используют опыт, другие науки обращаются к нему реже, третьи почти или совсем не используют его, что характерно для социальных наук и небесной механики, по меньшей мере, в ее части, относящейся к изучению движения звезд.
34. Ни один закон, включая экономические и социальные законы, не допускает исключений: неоднобразное единообразие — это бессмыслица. Феномен, названный в просторечии исключением, представляет собой наложение действия одного закона на действие другого закона. Только в этом отношении научные законы, и даже законы математические, имеют исключения. Все материальные тела, расположенные на поверхности Земли, притягиваются к ее центру, однако перо, подхваченное порывом ветра, удаляется от земной поверхности, а оболочка, наполненная водородом, поднимается в воздух. Наложение друг на друга разных единообразий как раз и затрудняет исследования во многих науках.
35. Вместо отдельно наблюдаемых феноменов часто следует рассматривать их вместе с другими, из-за которых действия одних единообразий ослабляются, а других — усиливаются. Мы не можем, к примеру, знать, какой будет температура воздуха на 15 июня будущего года, но приблизительно можно определить среднюю температуру в июне месяце, а еще точнее — среднюю температуру трехмесячного периода за несколько лет. Однако следует учесть, что эти средние показатели в значительной мере условные; они введены нами для нашего пользования. Не следует придавать им смысл чего-то существующего вне зависимости от фактов, т. е. не следует видеть в них метафизические сущности. Часто они являются только первой ступенью интерполяции.
36. В первом приближении мы можем удовлетвориться сведением о том, что частично элиминированы менее существенные эффекты. При этом не только можно, но и целесообразно сделать некоторое уточнение по поводу терминов «менее» и «более» и определиться, что элиминируется, а что нет. Однако будет лучше, если можно установить границы расхождений, которые существуют между реальным феноменом (факты) и той моделью, которую мы получим с помощью средних величин и усредняющих теорий. Но это не отменяет того, что сам первый шаг, когда

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru